

Доктор отодвинул стетоскоп от груди ребенка, просматривая лежащие перед ним результаты анализов. Данные были очень четкими.

«К сожалению, это тяжелая форма астмы, не связанная с воспалением второго типа».

«Что это значит для него?» спросила мать ребенка, крепче сжимая его руку.

«Это хронический тип астмы, который плохо реагирует на лекарства или стероиды. К сожалению, в его случае она выглядит особенно тяжелой. Его легкие искалечены, и ему придется регулярно принимать небулайзеры, чтобы вести хоть какое-то подобие нормальной жизни».

Она содрогнулась, услышав это. Что касается мальчика, то он не понимал ни слова из сказанного, но мрачная тревога матери передалась и ему. Он почувствовал, что у него перехватывает горло, а слезы наворачиваются, грозя пролиться, несмотря на всю его яростную выдержку. Дыхание становилось все более затрудненным по мере развития разговора, а отчаяние матери - все более ощутимым, и ему казалось, что он взбирается на гору. Он чувствовал себя так, словно его задушили подушкой. Ему казалось, что воздух становится все более разреженным.

«Мама...» Он отчаянно задыхался и начинал плакать.\

«Джон!» Она держала его лицо в своих руках. Он чувствовал ее страх сквозь дрожащие ладони.

«Мне нужно пять миллиграммов альбутерола». Доктор немедленно вызвал врача.

«Успокойся, сынок». Врач успокаивающе сказал. «Сделайте глубокий вдох, все в порядке».

Он лгал. Мальчик не знал, откуда он это знает, но сердцем он понимал, что мужчина лжет. Его видение стало красным, и он почувствовал, что его сознание затуманивается.

«М...ом...» прошептал он, пытаясь удержаться за нее.

Последнее, что он услышал перед тем, как потерять сознание, была его мать, выкрикивающая его имя.

Джон очнулся от толчка, тяжело и надрывно дыша, обливаясь потом. Ему потребовалось лишь мгновение, чтобы опомниться.

«...Тссс, тот самый кошмарный флешбэк...» Самые страшные кошмары были самыми реальными. Он бы предпочел стереотипный кошмар со свободным падением со здания, но нет! Он заново переживал самый страшный день в своей жизни. День, когда ему поставили диагноз «тяжелая хроническая астма» - проклятие, которое искалечило его мечты и страсти, сковав его тело.

«Чего бы я мог добиться, если бы не эта проклятая болезнь...» прошептал он, все еще задыхаясь. Спорт, физические упражнения, путешествия, походы и, конечно, то, чего он жаждал больше всего;

Боевые искусства.

Джон Фалкен был любителем боевых искусств. С тех пор как он впервые посмотрел фильм о боевых искусствах «Выход с драконом», он не мог забыть, насколько они потрясающи, да и как можно? То, как они двигались, завораживало его: их стойки, их проверки, их работа ног, захваты и, конечно, их удары. Он посвятил им всю свою жизнь, хотя и не так, как полагается любителю боевых искусств.

Он родился с тяжелой формой астмы, что не позволяло ему заниматься физически интенсивными видами спорта, в том числе и боевыми искусствами. Поэтому вместо того, чтобы заниматься ими, он решил посвятить свою жизнь их изучению. Если он не мог изучать боевые искусства как практик, то должен был делать это как ученый.

К двадцати пяти годам он получил степень бакалавра по физике, диплом по анатомии человека, а также второстепенную степень по статистике и вероятности. Вооружившись знаниями из этих трех областей, он посвятил все свое время исследованиям в области боевых искусств и спортивных единоборств. Он проводил опросы, исследования и эксперименты по различным боевым искусствам, собирал данные по нескольким переменным и атрибутам, делал выводы и гипотезы на их основе, а затем публиковал их в авторитетных рецензируемых журналах.

С появлением ММА и UFC как крупной индустрии с большим рынком спортивных развлечений в начале XXI века, его работа стала основой для современного ММА. Внезапный рост значимости боевых искусств в XXI веке стал для Джона воплощением мечты. Он опубликовал исследования, которые стали хлебом и маслом для боевых видов спорта.

А потом он умер. В возрасте пятидесяти девяти лет его уже подорванные легкие разрушились, и он ушел мирной смертью. Всю свою жизнь он посвятил тому, что любил, и умер, любя это, но проклиная оковы, которые мешали ему по-настоящему воплотить это.

Однако это был еще не конец.

Джон зашевелился, почувствовав странное ощущение, охватившее его.

(«Разве я не... умер?»)

Джон не знал, что происходит, но был уверен, что должен был умереть, когда в последний раз почувствовал, что его сознание ускользает в больнице, а последним зрелищем были торопливые врачи, вводившие ему что-то или что-то другое.

(«Наверное, нет? Но во что, блядь, они меня завернули? В презерватив, покрытый желе?»)

Он едва мог пошевелиться, но чувствовал, что находится в позе эмбриона.

("Я подам на этих ублюдков в суд, это никак не укладывается в рамки этических норм. Неужели они не могут просто дать мне спокойно отдохнуть, черт возьми?") Он выругался.

И тут он почувствовал, что на него давит какая-то сила, она как бы надавила на его задницу, пытаясь протолкнуть его в какое-то отверстие. В этот момент он был уверен, что что-то определенно не так, просто он был слишком растерян и напуган, чтобы попытаться разобраться в ситуации. Через несколько секунд он почувствовал, как его тело выталкивают из отверстия, и тогда он запаниковал, зовя на помощь.

«Вааааааааа!» вот что вырвалось из его уст.

(«Э...? Я только что... плакал?»)

Открыв глаза, он увидел огромную женщину, держащую его на руках.

(«Нет, она не гигантская... Это я маленький!») Он едва успел взглянуть своими упрямыми полужакрытыми глазами на свои сжатые крошечные ручки, ужасаясь.

«Быстро, позаботьтесь о ней! Ее дыхание опасно поверхностное, а зрачки расширены».

Затем последовал долгий сеанс попыток стабилизировать состояние его биологической матери. Предполагаемые врачи и медсестры старательно и решительно выполняли различные действия, но, увы, безрезультатно. Медленно, но верно ее глаза теряли свой свет, но ни разу не отвернулись от Джона.

«Время смерти - 17:42».

Джон не понимал языка, на котором они говорили, но понял, что произошло. Хотя он все еще наполовину верил, что это галлюцинация, он почувствовал прилив горя, даже когда его сознание уплыло.

(«Черт меня побери... Пожалуйста, пусть это будет со...»)

Увы, судьба в очередной раз проигнорировала его желание.

Вечером он проснулся в оцепенении, но ему хватило одного мгновения, чтобы понять, что это не галлюцинация. Он действительно переродился в младенца, несмотря на то, что эта идея казалась ему абсурдной. Он находился в довольно маленькой медицинской комнате, завернутый в толстое полотенце, в деревянной колыбели, с окнами по разные стороны комнаты, одно из которых выходило на улицу, а другое - в коридор, где сквозь щели в колыбели он мог видеть медсестер и врачей, изредка проходящих мимо. Оглядевшись по сторонам, он понял, что не одинок: в колыбелях лежали еще несколько таких же младенцев, как он.

(«Инкубационная комната»).

Он вздохнул. Он не имел ни малейшего представления о том, где находится, но, судя по иностранному языку, на котором они говорили, а также по разнице в одежде и даже архитектуре, он был далеко, очень далеко от США.

('Дело не только в этом, технологический уровень этого места действительно низок. В инкубационных палатах, подобных этой, полно приборов, которые следят за жизненными показателями младенцев, к тому же, когда меня рожали, там тоже не было никаких электронных технологий. Даже в этой комнате нет света, только фонари').

При этом фонари были странными, источником света был не огонь, который мерцал, в то время как свет лампы не колебался, это точно было не электричество. Более того, насколько он мог судить, в комнате вообще не было электричества. Для человека из 21-го века это было просто обескураживающим зрелищем: неужели существовала нация с такими примитивными технологиями? Джон не был уверен.

("Это безумие, это не должно быть возможно. Что, блядь, происходит?")

Если предположить, что он возродился, то он не знал, возродился ли он вообще в 21 веке. Что, если он возродился в антиутопическом будущем? Или в прошлом?

(«Нет, подождите... Это вообще Земля?»)

Он еще не знал, но рано или поздно узнает, если, конечно, у него будет хоть что-то похожее на прежнюю жизнь. Эти переживания разрушили его субъективное мировоззрение о реальности, и только время покажет, каким окажется его новое. Он с опаской, а отчасти и с волнением ждал, когда же наступит его будущее.

<http://tl.rulate.ru/book/108862/4037247>